

*Общение лис — сложная система
голосовых и мимических сигналов, запахов и поз.
Набранные курсивом «диалоги» в главах от Пакса — попытка
перевести этот выразительный лисий язык в слова.*

Пакс бежал. Он бежал всегда. Уже почти год, как его бегу не мешала проволочная сетка загородки, а мышцы всё ещё помнили её стальной холодок.

Но этим утром он бежал не как всегда. Этим утром лис бежал, потому что под упругой лесной подстилкой, под клочьями снега в глубокой сосновой тени, под каймой льдинок в каждой луже он чувал весну. Новая жизнь взбегала по веткам, по коре, по извилистым ходам внутри земли — и как ещё мог он откликнуться на этот бег жизни? Только бежать.

Внезапно он встал. Кролики.

Игла теперь всё время была голодна.

Прижимая нос к земле, Пакс отыскал нору, покинутую совсем недавно. В норе лежали два мёртвых крольчонка, один окоченел много дней назад, из второго жизнь ушла только этой ночью.

Опять мёртвые детёныши, третий раз за три дня. Сперва была мышинная норка и в ней — трупики целого выводка полёвок. Но, когда Пакс, выбрав самое свежее тельце, принёс его домой, Игла брезгливо сморщила морду и отвернулась.

Потом ему встретилось бурундучье гнездо, но от мёртвого бурундучонка Игла тоже отказалась. Так что этих крольчат Пакс даже не стал трогать. И, вдруг сильно устав, свернул прямо к Заброшенной Ферме. Они перебрались туда вместе с Иглой и Мелким после того, как Мелкий потерял ногу.

Игла не встречала его, но Пакс знал, что она рядом. По её следу он добежал до старого сарая. Пока его не было, под крыльцом появилась нора — новое логово. Вокруг входа была разбросана свежая земля вперемешку с песком. Пакс пополз внутрь, на запах.

Игла свернулась клубком в самой глубине, ярко-рыжая её шубка была в песке. Она сонно

приоткрыла один глаз и, едва взглянув, опять опустила голову на лапы.

Пакс не понял. Утренний воздух уже прогрелся, грозой не пахло. Зато внутри логова запах был странный: такой знакомый, будто его собственный, но не его. И не Иглы — хотя идёт от неё...

Он ткнулся носом в её шею: понюхай воздух.
Новое?

Да, новое. Мы.

Пакс опять не понял.

Игла перекатилась на спину и выпятила круглый живот. *Щенки. Скоро.* Потом опять свернулась на чистом песке. Пакс лёг и сторожил её дыхание, пока она не уснула.

Пятясь, он выполз из норы, издал короткий тав.

А потом побежал. На этот раз лис бежал потому, что если бы не бежал, то взорвался бы.

Сидя на корточках, Питер провёл рукой по корявой половице: подлый горбик тянулся из конца в конец. Вола сказала: доски и так ровные, можно сразу шкурить; но он хотел, чтобы полы, когда она их увидит, были идеальными, а не «и так ровными».

Он ещё закрутил винт, так чтобы лезвие почти не выступало над подошвой и стружка была тонкая, как бумага. Можно, конечно, снимать и побольше древесины за один раз, но, когда проходишь слой за слоем, по чуть-чуть, поверхность получается гораздо чище.

Из всех работ, которым Питер научился, пока строил эту хижину, больше всего ему нрави-

лось строгать. Рубанок — это не какая-нибудь отвёртка; это настоящий инструмент, в него надо вкладывать всю силу своего тела. Инструмент для мужчины, не для мальчика.

Питер поставил рубанок на конец доски и, налегая всем весом и упираясь правой рукой в рожок, левой повёл нож вперёд — вдоль волокон столетней жёлтой сосны, прежде хранившейся в соседском сарае. Из-под лезвия поползла ровная стружка, пахнуло свежей древесиной. Хорошо, что дерево всегда как будто готово начать жить сначала, и хорошо, что...

Внезапно рубанок ткнулся в сучок. Ладонь соскочила с рожка и проехала по доске.

Питер с размаху сел. Чёрт, содрал кожу в кровь. Когда уже он научится? В дереве бывают гадские сучки, которых не видно, они прячутся под поверхностью, но они есть — он что, не знал? Держа руку перед собой и глядя, как кровь стекает по запястью, он вдруг вспомнил слышанную где-то фразу: *потом и кровью*. Эта хижина залита уже ведрами его пота. Ну и вот, один маленький кровавый росчерк тоже не повредит. Питер притиснул ладонь с содранной кожей к половице, и алая кровь язычком пламени начала расползаться

по древесным волокнам. Пятно было похоже на лисий хвост.

Он отдёргнул руку, будто обжёгшись о воспоминание. В прошлом году, возвращаясь к тому месту, где он бросил Пакса — где он вынужден был бросить Пакса, своего ручного лиса, — он нарочно ножом порезал себе ногу и кровью нарисовал на ней лиса в прыжке. Получилась клятва на крови: *я вернусь за тобой*.

Питер прижал рану к груди. Какая предательская штука, память. На поверхности ничего не видно, всё внутри, но стоит зазеваться — и она вонзится остриём прямо тебе в сердце.

Он уже научился защищаться от этого острия, придумал один способ. Каждый раз, совершая вот эту самую ошибку — позволяя себе вспоминать Пакса, — он себя за это наказывает. И он начнёт прямо сейчас, не откладывая.

Питер закрыл глаза. Представил день, когда он нашёл на обочине мёртвую лису. Мысленно проделал всё, что делал тогда, шаг за шагом: поднял её, окоченелую, перепачканную в грязи, и пошёл искать, где похоронить; на краю леса под старой каменной стенкой заметил песчаную россыпь, носком ботинка стал ковырять песок — рыть ямку.

Как и всегда на этом месте, в груди уже всё сжалось, но он заставил себя вспоминать дальше. Вот дыра в песке, это вход в лисью нору. Стало больно дышать, но он продолжил вспоминать: в норе три остывших тельца и одно пока ещё тёплое.

Он протягивает руку и достаёт крохотное живое существо — дрожащего лисёнка. Когда он сунул его за пазуху, маленький лис заполнил собой пустоту в груди, о которой Питер даже не подозревал. И дальше начинается само наказание: сейчас он будет вспоминать не то, что он тогда сделал, а что *должен был* сделать.

«Ещё чуть-чуть, и он умер бы вместе с остальными, — сказал тогда отец. — Надо было просто помочь ему умереть безболезненно. Вот это было бы правильно».

«Поздно, — яростно крикнул Питер, прижимая лисёнка к себе. — Он остаётся у меня!»

Отец буркнул что-то сердитое. Но Питеру показалось, что в его глазах — может быть, впервые — мелькнуло уважение.

Теперь-то он знает, что отец был прав. Просто прекратить страдания, избавить Пакса от той боли, которую он, Питер, причинит им обоим пять лет спустя, — вот что он должен был сделать.

И он довёл своё наказание до конца. Не стал наклоняться, забирать лисёнка. Вместо этого он мысленно шагнул к стене, расшатал верхний тяжёлый большой камень и скинул его на песок — туда, где вход в нору. И ушёл не оглядываясь.

Так и надо. Уходи. Не оглядывайся.

И не было бы всей этой боли.

Питер повторил всё то же самое ещё дважды. Он где-то читал, что только с третьего раза мозг способен перепрограммироваться.

И наказание работало. Он уже думал о Паксе гораздо реже. А не видел бы постоянно этого енота у Воли на веранде — мог бы, наверное, и по несколько дней не вспоминать, что когда-то и у него был питомец.

Питер поднялся с пола и убрал рубанок. Кровь из раны уже не текла, но строгать он какое-то время не будет. Иначе получится лазейка для воспоминаний, она ему сейчас совсем не нужна.

Он откинул кусок брезента, прикрывавшего корыто в углу. В корыте была смесь из глины, золы и сухого мха. Питер плеснул воды и перемешал всё до тестообразного состояния. Потом лопаткой отложил часть теста в ведро, шагнул

к северной стене и начал заделывать щели между брёвнами.

Работая, он время от времени позволял себе любоваться своей хижинкой. Он решил, что будет её строить, ещё в сентябре — когда пришёл домой после первого школьного дня, разложил книги на кухонном столе и понял: нет, так не получится. Для одной Воли этот дом идеален, но для двух человек он явно мал. Они поговорили и сошлись на том, что ему тоже нужно место для себя, нужно личное пространство, и тогда Вола помогла ему спроектировать этот небольшой бревенчатый домик на одну комнату, где можно будет спать и делать уроки. Футов десять на двенадцать — встанут только кровать, комод, стол и стул. А больше ничего и не надо: чем проще, тем лучше.

Он сам валил эти деревья, сам отпиливал брёвна нужной длины и делал в них вырезы для крепления. Стропила, балки — всё рубил сам, обшивал крышу дранкой, смолил — тоже сам. А на прошлой неделе он отыскал на свалке три старых окна и дверь — денег, которые дед отправлял ему каждый месяц, как раз хватило, чтобы их выкупить. Завтра после школы он начнёт их врезать.

Соседи только помогали ему поднимать брёвна, когда он собирал стены, зато всё остальное он делал в одиночку. Вола, конечно, подсказывала, что за чем, но не вмешивалась, даже пальцем не пошевелила. Таков был уговор: он хотел построить всё своими руками, от начала до конца, — и она уважала его решение. Вот это в ней нравилось Питеру.

И тут же, не успел он о ней подумать, Вола появилась на дорожке. Она неловко одёргивала юбку — похоже, ещё не привыкла, что в библиотечные дни ей приходится одеваться по-человечески.

Она шагнула на шлакоблок, который он уложил перед дверью специально для неё — вообще-то она прекрасно управлялась со своим протезом, но с высокими ступеньками всё же не очень ладила, — и постучала в бревенчатую стену. И это тоже Питеру нравилось: она уважает его пространство.

Он быстро раскинул брезент, прикрыв незаконченный пол, и махнул ей рукой: можно.

— Как прошло?

Вола улыбнулась.

— Эта пигалица, Уильямс, чуть не доконала меня своими вопросами. Зато с марионетка-

ми у неё отлично получается: она их чувствует. Биа шлёт тебе привет. Говорит, заказала для тебя ту новую книгу о деревьях. Надо же, я-то была уверена, что на свете не осталось ни одной книжки о деревьях, которую бы ты не прочёл. А ещё знаешь что? Видела на доске объявлений: отдают щенков в хорошие руки. Помесь лабрадора и спаниеля. И я подумала...

У Питера перехватило дыхание. Он отвернулся.

— Нет. — *Пакс*, опять обожгло воспоминание. Он взялся за лопатку. — Мне надо работать.

— ...я подумала, когда ты переберёшься сюда, может, компания тебе и не помешает.

— Нет! — Питер сам удивился резкости своего тона.

Вола не настаивала.

— Ладно, значит, пока рановато. Я понимаю.

Питер сомневался, что она понимает. Да он и сам себя не понимал. Знал только одно: стоит представить, что у него опять может появиться питомец, — сразу становится трудно дышать.

Вола примирительно улыбнулась.

Питер кивнул и шлёпнул лопатку глиняного теста между двумя брёвнами. Теперь ему хотелось только, чтобы она ушла. Потому что

он должен наказать себя за это воспоминание — немедленно, пока оно не успело пустить корни. Он с силой вмазывал глину в щель.

Улыбка Волы погасла.

— Я вчера тебе говорила: не запечатывай щели наглухо, не надо.

Питер прикусил щёку и набросил на стену ещё лопатку смеси.

— Это от холода.

— Так ты перекроешь себе воздух и свет.

Остриём лопатки он запихивал замазку глубже в щель.

— Люди гибнут без света и воздуха, мальчик, — сказала Вола уже тише.

— Я знаю, — не оборачиваясь, ответил он. — От холода они тоже гибнут.

Пакс кружил по ферме. На прошлой неделе было уже тепло, но сегодня ночью опять подморозило — воздух почти искрился. Полная луна тянула лиса к себе. Однако притяжение Иглы было сильнее.

Когда в сумерках она шла в своё логово под крыльцом, её живот покачивался. Пакс слышал, как она вертелась в глубине, пытаясь устроиться, потом рыла, потом опять вертелась. Когда она задыхалась часто-часто, будто от натуги, он хотел сунуться в нору, но она зарычала. *Сюда нельзя. Будь близко.*

Поэтому он ходил и ходил кругами — охранял сарай и круглую лужайку перед крыльцом,

которая уже щетинилась свежей зеленью. За несколько часов к его территории не приближался ни один нарушитель. Только сейчас впервые долетели подозрительные звуки, но он их сразу узнал.

Это была странная неловкая припрыжка Мелкого — брата Иглы, который, потеряв прошлой весной заднюю ногу, научился передвигаться на трёх. Причём сделался отличным охотником — видимо, зрение и слух стали острее, возмещая утраченную быстроту. Вот и теперь он выкатился из кустов с жирной перепёлкой в зубах, которую уложил на песок перед сараем.

Из-под крыльца донеслось непонятное шорканье.

Уши Мелкого встали торчком, он тут же нырнул в нору — Пакс не успел его предупредить. Послышалось сердитое шипение, и в следующую секунду Мелкий, поскуливая, уже вылетел назад. Он отполз в сторону и залёг на безопасном расстоянии, между корнями старого дуба.

Пакс потрусил к дубу вслед за Мелким и опустился рядом. Мелкий обвинил нос хвостом и закрыл глаза, но Пакс бдел, не отводил взгляда от тёмного отверстия под крыльцом. Он не собирался туда соваться, пока Игла сама не по-

зовёт, — ему уже приходилось испытывать на своей шкуре остроту её зубов, — однако сегод-
ня ночью им владело неодолимое желание её
защищать.

Когда небо на востоке начало светлеть, при-
плыл запах крови.

Пакс взвился, подлетел к крыльцу.

В утреннем прохладном воздухе висело го-
рячее влажное облачко. В облачке была кровь,
но она была не от раны и не от смерти. Эта
кровь была от жизни — пульсирующей, новой.
Пакс не мог больше ждать.

И он ринулся внутрь.

Игла вылизывала три тёмных гладких тель-
ца, которые извивались и жались друг к друж-
ке. Когда глаза привыкли, Пакс начал различать
тонкие ножки, тянувшиеся из мехового клубка.
Крохотные розовые лапки сжимались и разжи-
мались, крохотные розовые носики тыкались во
все стороны, крохотные розовые ушки трепета-
ли от звуков новой жизни.

Игла мурлыкала. *Наши. Хорошо.*

Пакс лёг и обвился вокруг своей семьи. Три
крохотных сердечка бились о его сердце. *Хоро-
шо. Наши.*